

Алексей Загуляев

ПРЕРЫВАТЕЛЬ

Алексей Николаевич Загуляев
Прерыватель
Серия «Прерыватель», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69700816

SelfPub; 2024

Аннотация

Лейтенант милиции Алексей Лазов уезжает в глухую деревню, чтобы работать простым участковым. Однако в деревне происходит загадочное событие, в расследование которого он оказывается вовлечён. Чем больше Лазов погружается в это дело, тем более невероятным кажется случай, а всеми забытое поселение оказывается переполнено загадками, граничащими с мистикой и фантастикой. Первый роман из серии "Прерыватель".

Содержание

Часть первая. Настоящее	4
Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвёртая	36
Глава пятая	45
Глава шестая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алексей Загуляев

Прерыватель

Часть первая. Настоящее

21 июля 1995 года. Деревня Подковы.

Глава первая

Всё началось 21 июля 1995-го года. На моих наручных часах было 16:08. Я это помню точно, потому что посмотрел на циферблат, о стекло которого остервенело бились крупные капли ливня. В эту минуту молния ударила в землю метрах в двадцати от нас с Леонидом. Перед глазами всё будто замерло на несколько секунд, и потому я запомнил расположение стрелок: короткая на четырёх часах, длинная на восьми минутах, и даже секундную помню – она сделала несколько судорожных движений в обратную сторону: 35, 34, 33... И снова побежала в правильном направлении. Я ещё удивился этому обстоятельству, но не надолго, почти сразу же посчитав такую иллюзию игрой света, воды и своего нетерпения.

А нетерпение моё имело веские основания. Мой древний милицейский «уазик» застрял посередине между Подковами и Лазарево. Основательно сел на брюхо, скатившись в глубокую колею, наезженную ещё по весне лесовозами. А вокруг заливало так, что даже близлежащие ели едва угадывались тёмным нависающим силуэтом. Перспектива остаться здесь на ночь несколько не привлекала, тем более если учесть, что в этот день я родился двадцать семь лет тому назад и предполагал этим вечером, хоть и в одиночестве, но всё же отметить столь знаменательное событие. Когда утром выезжал из Подков, небо было ясное и ничто не предвещало грозы,

а на обратном пути ни с того ни с сего набежали чёрные тучи и полилось. Что ж... Издержки профессии. Работа у меня такая – ездить по окрестным деревням, реагируя на жалобы местного населения.

Я участковый, Алексей Лазов. Почему я, успешно закончивший юридический, получивший звание лейтенанта и устроившийся помощником следователя в Перволучинск, оказался вдруг в богом забытой деревне со странным названием Подковы? Как-нибудь позже я упомяну о причинах – они вполне объяснимы. Но пока вот оно – моё настоящее...

Обычно за каждым уполномоченным участковым закреплялся для обслуживания участок в границах одного сельского административно-территориального образования, население которого не превышало три с половиной тысячи человек. Но дела в сельской местности с некоторых пор пошли по самому негативному сценарию – люди старались перебраться в город, бросая свои обветшавшие хозяйства, чтобы хоть как-то прокормиться в условиях экономического упадка. Школы, клубы, библиотеки, фельдшерские пункты, – всё это постепенно закрывалось и приходило в негодность. В Подковах с её одной улицей в двенадцать дворов, жилыми из которых осталось всего лишь десять, имелась хотя бы почта и маленький магазинчик, работавший два раза в неделю – по средам и четвергам. А специально для участкового построили отдельный каменный дом из двух половин – в одной можно было жить, а в другой работать. В отделении имелся телефон, а в

жилой части цветной телевизор. Даже холодную воду подвели, чтобы лишний раз не отвлекать от службы походами на колодец. Имелся письменный (он же и обеденный) стол; кожаное, наверное, ещё дореволюционное кресло, пара стульев и широкая железная на пружинах кровать в спальне. Один мой коллега по отделению всучил мне гипсовый фосфоресцирующий бюст Наполеона, чтобы было, как он выразился, с кем поговорить на досуге. Я отнёс его в рабочую половину, поскольку в жилой он пугал меня по ночам.

Желающих поселиться здесь было немного, вернее, не было никого. На этот переезд вызвался только я, разругавшись из-за этого со своей девушкой, подругой детства Леной Макаровой, которая мотивов моих понять никак не хотела. А мотивы были. И она прекрасно о них знала, но не верила в то, что я всё же на такую авантюру решусь.

Недалеко от деревни располагался заброшенный песчаный карьер, который некогда кормил и Подковы, и все расположившиеся вокруг другие деревни – Новую на севере, Гасилово чуть южнее, Лазарево за лесным массивом на северо-востоке и Глыбы далеко на юге. Эти самые Глыбы наделали в своё время немало шума, но эту историю я тоже отложу на потом.

Вот эти пять деревень и числились на одном мне. Разумеется, ни о каких тысячах жителей речи не шло, – десять семей в Подковах, двенадцать в Лазарево, восемь в Гасилово, шестнадцать в Новой, и ноль в Глыбах. В Глыбах давно ни-

кто не жил, ещё с шестидесятых годов. Гиблое какое-то место – огромное поле посреди дремучего леса, с юга опоясанное болотами, а на востоке упирающееся в глубокий овраг с едва живым ручейком. Поговаривали, что селение это пять раз за свою историю полностью выгорало. После пятого пожара оставшихся людей расселили наконец по округе, а на поле с тех пор так и не выросло ни одного деревца. Только небольшое озеро без названия пользовалось популярностью среди рыбаков – карась там клевал отменный, особенно по весне, когда солнышко прогревало мелководные заводи.

Дорбг, соответственно, тоже никто не содержал в приемлемом состоянии. В хорошую погоду можно было передвигаться хоть на велосипеде, а вот в ненастье даже «уазику» некоторые участки не всегда оказывались подвластны. А что уж говорить про зиму. Из Перволучинска до Подков (это восемнадцать километров пути) ходили почтовые и продуктовые грузовики, но остальные трассы до весны заваливало снегом, так что ездить по своему участку мне приходилось на лыжах. А зимой, как назло, запертые в своих избах люди начинали много пить и частенько устраивать потасовки. Так что при случае я мог бы, наверное, получить первый взрослый разряд по лыжам, потому как много пришлось мне в первую зиму кататься туда-сюда. Это сейчас, насколько я знаю, некоторые из участковых обзавелись снегоходами, а в те времена... Нда... Но не буду больше отвлекать вас излишней картографией. Вернёмся к сути повествования...

В тот день, 21-го июля, я ездил в Лазарево по поводу избития чёрными копателями тамошнего пастуха. Лазарево, надо сказать, оставалось в плане сельского хозяйства вполне продвинутым – в каждом из двенадцати дворов имелась своя корова, а ещё четыре козы и две овечки. Валерка – так звали пастуха – был тощим мужичонкой маленького роста, однако с кнутом обращался мастерски, так что коровы слушались его и по-настоящему уважали. Но в стычке с копателями кнут Валерке не помог. Пастух отругал их за то, что те не закапывают за собой ямки, в которых коровы калечат ноги. Институтков Валерка не заканчивал, да и голос имел басистый и хриплый, так что речи его больше походили на примитивный наезд. Копатели, на всякий случай перехватив инициативу, накостыляли ему, сели во внедорожник и уехали в город. В итоге – сотрясение мозга и перелом ребра. Это констатировал бывший фельдшер, осевший в Лазарево после того, как прикрыли последний врачебный пункт. Тяжкие телесные. Дело я должен был возбудить автоматически, но Валерка не захотел писать заявление, попытавшись убедить меня в том, что показал он себя перед залётными копателями самым настоящим героем, в следствие чего они больше не сунутся на его поляну. Ну ладно. Я сделал вид, что поверил ему, не стал настаивать на заявлении и поехал домой. Разумеется, дело я это оставить на произвол не планировал. Валерка был мужиком хорошим, непьющим, со сварливой женой и двумя совсем ещё маленькими детьми. Вечером я

собирался позвонить в город и разузнать, как там в целом обстоят дела с этими чёрными копателями и предпринимаются ли какие-нибудь меры. Их стоило наказать не только словами. Но в дороге застал меня ливень, и я встрял не на шутку. Пришлось шкандыбать обратно в Лазарево и просить Лёньку, тамошнего тракториста, вызволить меня из беды. Лёнька, хоть и был не в настроении, но не отказал, тем более что, как оказалось, имелась у него ко мне одна просьба.

И вот, значит, когда «уазик» мой был благополучно вызволен из колеи, Леонид, укутанный в плащ-палатку, выпрыгнул из кабины гусеничного трактора и, подойдя ко мне, громко сказал:

– Давай, лейтенант, я тебя уж до самых Подков дотащу. Не доедешь своим ходом. Точно тебе говорю.

Я и сам подумывал попросить об этом Леонида, но пока не решался. Спасибо, что хоть из колеи-то меня вытащил. Особым уважением я в окрестных деревнях не пользовался, потому как работал в Подковах чуть меньше года, и никто меня толком узнать пока не успел, а предыдущий участковый человеком слыл своенравным, частенько превышал свои полномочия и был охоч до местных бабёнок.

В этот момент и ударила в землю молния, а секундная стрелка сделала три шажка против своего естественного движения.

– Буду крайне признателен, – крикнул я, слегка оглушённый грозovým раскатом.

– Только просьба у меня к тебе будет, – промолвил Леонид и махнул рукой, приглашая проследовать за ним в кабину трактора.

Я послушно поплёлся, хлюпая водой внутри высоких резиновых сапог.

Забравшись в кабину, Леонид откинул капюшон. С лысой головы на лоб скатились две крупные капли. Он смахнул их ладонью, достал из портсигара папиросу, постучал мундштуком по жестяному дну, дунул, сплющил его гармошкой и чиркнул бензиновой зажигалкой.

Сделав две глубокие затяжки, посмотрел на меня и промолвил:

– Сестра у меня есть. Люська. Может, и знаешь.

Я промолчал, продолжая внимательно слушать.

– А у ней муженёк непутёвый. С зоны откинулся года два назад. Она и подцепила его. Так-то вроде и ничего мужик. Рукастый. И за скотиной ходит, и избу подлатать, и по огороду чего... Но пьёт. Дело привычное. А надерётся – дурак дураком. Руку начал на сестрёнку мою поднимать. Та, конечно, молчит. Ни словом. Но я вижу. Разве такое скроешь. Ты, лейтенант, меня, хоть и малость, но знаешь. Я человек горячий, да и голову мне кому свернуть – одним пальцем пошевелить, – Леонид для наглядности продемонстрировал передо мной свои толстенные пальцы. На вид ему было лет сорок пять или чуть больше, но телосложением он не уступил бы, наверное, и Поддубному. Широкий, коренастый и будто от-

литый из свинца. – Боюсь, что если сам решу поговорить с ним об этом, то зашибу. Не хочется грех-то на душу брать. Ты уж, лейтенант, как-нибудь отвадь его от этого нехорошего дела. Поговори, намекни, что, дескать, увидишь Люську с фингалом или синяком, то отправишь его обратно по этапу. А?

– Хорошо, – сказал я. – Поговорю. И если подтвердятся такие факты, то обязательно разберусь.

– Только обо мне ему даже не намекай. Не дай бог ещё припрётся ко мне на разборки. Не уйдёт ведь живым-то. Я человек не злой, муху зря обижать не стану. Но меры силе своей не знаю. Прямо как наказание мне какое с самого детства. – Леонид поморщился и крикнул, то ли действительно от досады на самого себя, то ли от потаённой за такой «недостаток» гордости.

– Не намекну, не переживай, – успокоил я Леонида.

– Тогда и спасибо тебе, лейтенант. Ты только не подумай, что я в долг тебе помогаю. Я от чистого сердца. А просто раз уж встретились в таких обстоятельствах, то почему и не попросить хорошего человека.

– Я и не думаю, Лёнь, – сказал я, потому что и вправду пока ещё не успел ни о чём подумать.

Больше всего на свете мне хотелось сейчас вернуться домой, сбросить промокшую насквозь форму, затопить баньку и побаловать себя бокалом-другим вина, приобретённым мною ещё неделю назад. Вино-то я приберёг для Ленки. Мы

всё-таки помирились с ней, она успокоилась и обещала послезавтра, в четверг, приехать на продуктовой машине ко мне в гости. Для серьёзного, как она выразилась, разговора. И как бы мне ни хотелось это вино приберечь, всё же чувствовал я, что сегодня не удержусь, ибо сил моих больше нету. Да и день рожденья опять же. Простительно.

Пока мы беседовали в кабине, ливень неожиданно прекратился, и выглянуло солнце, осветив впереди непролазную, размокшую до состояния жидкой глины дорогу.

Леонид присвистнул и выбросил докуренную папиросу на обочину.

– Вот это и развезло, – протянул он. – Погнали, лейтенант. Без меня тебе точно отсюда не выбраться.

Глава вторая

Отцепив «уазик» возле гаража, я поблагодарил Лёню, ещё раз уверил в том, что обязательно поговорю с его зятем и направился к дому.

Одеревеневшие и отяжелевшие ноги уже предвкушали во-
зделенный покой, когда случился облом. На крыльце, перед
входом в жилую половину сидела, прислонив к перилам рас-
пахнутый пёстрый зонтик, Маринка Худякова. Я аж присел,
увидев её, потому что безвольно подогнулись коленки. По-
скольку на ступеньках по бокам от неё располагалась бутылка
со спиртным и что-то завёрнутое в газету, я догадался,
что явилась она вовсе не по моей работе, а чисто по веле-
нию своего сердца. А сердце её... Как бы поаккуратнее вы-
разиться... Не хотелось бы даже шёпотом обижать эту рос-
кошную женщину, ибо помыслы её, я в этом не сомнева-
юсь, были чисты, как слеза младенца. В общем, влюбчивая
она была с тех самых пор, как связалась четыре года назад
с предыдущим участковым, тем самым, который не пропус-
кал в окрестных деревнях ни одной юбки. Я даже имя этого
казановы не помню, да и слава богу. Испортил он Маринку.
Поигрался с ней, насколько его хватило, и укатил плодить
свои любовные сущности в город. А девка с тех пор сама не
своя стала, будто заразилась от этого кобеля любовной че-
соткой. Цеплялась за каждого мужика в ближайшей округе,

и не смущало её даже то, что холостых из них не было никого. Этот факт, как и то, что сама Марина женщиной была выдающейся (и в плане эмоций, и в плане своих физических габаритов), приводили к тому, что все её любовные притязания заканчивались в лучшем случае в какой-то подсобке или, если уж одолеет романтика, на берегу местной речушки, петлявшей, нарезаая зигзаги, среди лесов и полей до проклятых кем-то Глыб.

Было Маринке двадцать шесть лет, и она отчаянно пыталась найти свою вторую половинку, бог весть чего рисуя в своих мечтах.

Я не сомневался, что она наверняка станет когда-нибудь замечательной женой и ещё более замечательной мамой – когда научится совладать со своей жаркой натурой. Из всех несостоявшихся вариантов у неё оставался в перспективе только один – я. А я, будучи по натуре человеком добрым и не любящим резких слов и конфликтов, не умел прямым текстом разговаривать с женщинами ни о любви, ни, тем более, о её отсутствии. Почувствовав мягкое, Маринка и сделала в конце концов на меня довольно весомую ставку. Я и с Ленкой-то своей встречался до сих пор потому только, что дружили мы с ней с детства. Когда ещё был жив Игорь...

Об Игоре я как раз и подумал, когда заметил на крыльце Марину. Как-то сразу мысль соскочила на него с Лены, потому что он имел к ней даже более прямое отношение, нежели я. Всё наше детство и юность в Перволучинске он был влюб-

лён в неё не меньше моего. Но так получилось, что Лена Макарова выбрала Лёшу Лазова, и Игорь принял такой расклад с достоинством настоящего друга. Никогда не обмолвился об этом ни словом. И вовсе не из гордости, а именно из уважения к нашей дружбе. Однако я прекрасно понимал, чего это ему стоило. Особенно ясно осознал после того, как он вдруг передумал после автотранспортного техникума поступать в институт океанологии. Он грезил океаном, мечтал о морских экспедициях, восхищался Кусто. И с чего бы вдруг? Откуда взялся в нём этот океанический зуд? С нашей-то вечно мутной речушкой и исключительно сухопутным существованием. Игорь был на год меня старше. Осенью 1985-го его призывали в армию. И ладно бы хоть в морфлот, но нет же – угодил в самое пекло – в Афган. К тому же по собственному желанию, как мне думается, предполагая тем самым удивить меня и восхитить Ленку. Меня он, конечно же, удивил, но Лена не оценила поступка. «Дурак», – только однажды сказала она мне и больше к этому вопросу не возвращалась. А через полгода пришла похоронка – Игорь, служивший дизелистом в роте связи, погиб при пожаре на складе во время неожиданного обстрела. Разумеется, в его смерти я стал винить себя. До самого моего поступления на юридический мы с Леной почти не общались. Может быть, и Лена понимала, что, выбери она не меня, а Гошу, то всё могло бы сложиться иначе. Не было бы Афгана, не случилось бы пожара на складе, а бороздил бы Игорь сейчас просторы Тихого океана и

слал нам диковинные открытия с видами экзотических городов. А ведь она металась тогда, в юности, влюблённая в нас обоих. Какой-то пустяк склонил весы в мою пользу, а совсем не то, что я нравился четырнадцатилетней Лене больше. Она была младше меня на год. Вполне вероятно, что Игорь, которому тогда исполнилось шестнадцать, казался ей слишком взрослым. Не знаю. Мне тяжело было размышлять об этом. Ведь тогда я думал, что прошлого не изменишь...

Воспоминание об Игоре совсем убило меня морально. Так что, приближаясь к Марине на едва сгибающихся ногах, я уже решил быть грубым и сейчас же расставить все точки над «и». Однако хватило меня только на две минуты.

Завидев меня, Марина встрепенулась, заулыбалась и почти пропела:

– Господи! Товарищ лейтенант, ты похож на восставшего мертвеца. Где тебя носит в такой-то день?

Обезоруженный состраданием и улыбкой, я тут же сдался.

– А ты чего тут? – спросил я, и прозвучало это, как извинение за моё опоздание, хотя мы, разумеется, ни о чём с Маринкой не договаривались.

– С днём рождения хотела поздравить, – продолжая улыбаться, сказала она. – Вот, – и подняла в руках бутылку и завёрнутый в газету брикет. – Думала, захочешь отметить. Тем более в такую погоду. Смотрю в окно, а там с такую тоской хлещет. Как там Лёша, подумала. Грустно ему, наверное, одному-то. Прихватила пожрать кой-чего, ноги в руки да и к

тебе.

Мысль о стопке крепкого самогона меня взбодрила. При таком раскладе я мог бы и вино на послезавтра сберечь. Ну что такого, подумал я, посидим часик, согреем душу и разбежимся. Тем более что Марина оказалась единственным человеком, вспомнившим сегодня о моём дне рождения.

– И давно ждёшь? – поинтересовался для приличия я.

– Да с полчаса, наверное, как.

– Я только переоденусь, – сказал я, отпер дверь и пропустил Марину вперёд.

С чувством победительницы и хозяйки положения она зашла в дом.

Переодевшись, я вернулся за стол, на котором уже были расставлены стопки и тарелки. В пластмассовом контейнере, завёрнутом в газету, оказалась жареная картошка с четырьмя котлетами. Вкусные ароматы уже витали по дому. И поскольку я не успел сегодня ничего приготовить из съестного на вечер, то это был единственный вариант не заночевать на голодный желудок. Сил на что-либо другое, кроме как плюхнуться на стул, совершенно не оставалось.

– Почту сегодня затопило, – прожурчала Марина, разливая по стопкам светло-бурую жидкость. – Такой ливень. Крыша давно худая. Сколько раз в город звонили, просили, чтобы прислали кого-нибудь залатать. Только обещаниями кормят. Людей у них, видите ли, не хватает. А что они прибудняются-то? Чай государственная контора. Денег мог-

ли бы прислать, мы бы кого из своих мужиков позвали. Вон тот же Лёнька, к примеру. С головой мужик. В два счёта починил бы крышу. Пришлось два часа корячиться с тазиками и тряпьем. За копейки-то. Да и те то дадут, а то и задержат на две недели. Вам-то хоть вовремя платят?

Марина работала уборщицей на почте и в местном магазине. Хозяйства своего она не держала, едва хватало средств на то, чтобы поддерживать в надлежащем состоянии дом. Раньше, когда была она при старом участковом, тот помогал, привлекая к работам в её дворе провинившихся чем-нибудь мужиков. А как осталась без протеза, те даже за деньги не хотели ей ничего делать, вымещая на ней свою обиду на ушедшего на пенсию капитана.

– По всякому бывает, – ответил я на её вопрос.

– Ну, – Марина подняла стопку и подмигнула, – здрав будь, боярин. С днюхой тебя, Лёха, – и, не дождавшись, когда я что-то отвечу, залпом опустошила ёмкость.

– Ага, – кивнул я, заранее поморщился и последовал её примеру.

Вообще, человек я не особо пьющий. Даже можно сказать, что непьющий почти совсем. Все мои сегодняшние мечты о бокале вина – исключительно последствия тяжёлого дня. Такие желания возникают у меня не часто. Я люблю порядок в делах и ясное мышление. В моей работе это крайне необходимо, иначе всё выйдет из-под контроля и начнётся апокалиптический хаос.

Но в этот раз я как-то промахнулся. После второй стопки мозги мои отказались анализировать ситуацию и соизмерять риски. Выслушивая речи Марины, всё больше повествующие о её тягостном бытии, я настолько проникся к ней состраданием, что не заметил, как к одиннадцати вечера оказался с бедной женщиной под одним одеялом.

Уж не знаю, было ли у нас ночью что-то недозволительное – сомневаюсь, что я в таком состоянии мог бы напрячь хоть какую-нибудь мышцу, однако первым, что я увидел следующим утром, было довольное выражение на лице Марины. И чем больше я эту радость распознавал, тем в больший ужас начинало приходить всё моё похмельное существо.

Марина стояла в дверном проёме, разделявшем спальню и общую комнату. Уперев руки в бока, она продолжала, как и вчера, безмятежно улыбаться. Из одежды на ней имелись только обтягивающее полутреко и короткий розовый топ, настолько несоответствующий размерам её груди, что они из-под него выглядывали бессовестно и устрашающе. Я зажмурился. Кровь тягучими толчками проникла в самую сердцевину моей головной боли. Я застонал, не в силах сдержать страдание.

– Ох ты бедненький, – ласково проворковала Марина. – Головушка бо-бо? Надобно похмелиться.

– Стоп! – закричал я, и голова моя взорвалась от этого чрезмерного напряжения.

Марина испугалась. Я это успел заметить и решил вос-

пользоваться моментом.

– Времени сколько?

– Девятый час.

– Никакого опохмела, – чуть тише сказал я. – Мне на работу. И вообще, не думай, что мы стали ближе, чем всегда были.

– Что? – удивилась Марина. Моя последняя фраза и впрямь выглядела каким-то бредом.

– Спасибо за компанию, – из последних сил выдавил я, – но тебе надо домой.

– Ну это само собой, – Марина успела придти в себя. – Другого я не ждала. Все вы одинаковые. Тьфу на вас, – она подошла к стулу, стянула с его спинки своё платье и, ещё выше задрав топ, стала одевать его через голову. Её большие напрягшиеся соски посмотрели на меня с укоризной. И мне сделалось стыдно. – Тут девка какая-то к тебе заходила, – продолжила она. – Но ничего не сказала. Глазищи только вылупила, пошевелила губами и развернулась.

– Какая девка? – чувство стыда быстро сменилось предчувствием свершившейся совсем недавно трагедии.

– Да почём мне знать. Тощая. Чернявая. С короткой стрижкой. Не местная. Я тут всех баб знаю.

– А-а-а... – я схватился за голову, но уже не от боли, а от понимания того, что только что потерял свою Ленку.

Но ведь она должна была приехать завтра. Да и какая теперь разница. Что я буду гадать.

– Давно? – уцепился я за промелькнувшую вдруг спасительную мысль.

– Полчаса назад.

Я выскочил из постели как ошпаренный. Слава богу, на мне оказались трусы, иначе я никогда потом не простил бы себе такого позора.

Наспех одев успевшую просохнуть после вчерашнего ливня форму, я выпроводил за дверь Маринку и бегом, пересиливая рвущиеся во всём теле нервы и жилы, понёсся в сторону магазина. Может быть, продуктовая машина ещё не успела уехать. А другого варианта выбраться из Подков в Перволучинск никогда не имелось.

Глава третья

Картина бегущего со всех ног милиционера не могла не привлечь внимания. Копошившиеся в своих огородах подковцы, бурые от беспощадного солнца, с любопытством провожали меня долгим взглядом, полагая, наверное, что я устроил за кем-то самую настоящую погоню. Но мне было сейчас не до них. Пусть думают что хотят. Главное – догнать Лену и всё ей объяснить. Как именно я стал бы ей объяснять наличие в своём доме сосцеликой Марины, я пока не знал. Придумаю что-нибудь на месте, успокаивал я себя. И нёсся, чувствуя, что моя голова сейчас взорвётся, как перезревший арбуз.

Продуктового грузовика у магазина я уже не застал. Отдышавшись немного, я бросился внутрь, чтобы спросить у продавщицы, давно ли уехала машина и садилась ли в неё моя девушка. Ринувшись в приоткрытую дверь, я столкнулся с каким-то незнакомым мужчиной. Крепкий, чуть старше сорока лет, одетый в камуфляжную куртку и такой же расцветки штаны, он почти не сдвинулся с места от моего толчка. Только широкополая охотничья шляпа слетела с его головы. Он посмотрел на меня так, что мне сделалось немного не по себе. Что-то дикое, звериное было в его взгляде. Я не сомневаюсь, что, если бы в его руке оказался в этот момент топор, то он не задумываясь раскроил бы мне череп.

– Простите, – машинально сказал я.

Мужчина осмотрел меня с ног до головы, на секунду замялся, поднял с пола шляпу и прикрыл её полями глаза. Так и не сказав ни слова, тяжело перешагнул через порог и скрылся из вида, завернув в сторону почты. Неприятный осадок, оставшийся от его властного взгляда, ещё минуту сбивал меня с мыслей.

Другие чувства теснили в этот момент всё моё существо. И я снова переключился на свою волну.

– Товарищ лейтенант, – испуганно воскликнула продавщица, увидев меня в таком возбуждённом состоянии, – что-то случилось?

– Машина уже уехала?

– Машина? Продуктовая что ль?

– Ну какая ж ещё? Уехала?

– Да минут пятнадцать как. С ней что-то не так?

– Девушка.

– Ну... – женщина восприняла это, видимо, как обращение к ней, а ей было уже за пятьдесят. – Вика меня зовут.

– Девушка тоже уехала?

– А... – Вика поправила причёску и смутилась, поняв, что речь сейчас не о ней. – И девушка. Уехала. А этот остался.

– Кто?

– Мужик, с которым вы здесь столкнулись. Они вместе и приехали.

– Да? А что за мужик? Чего он хотел?

– Охотник, наверно, – пожалала плечами Вика. – Купил бензина. «Галошу». И зажигалку.

– Мутный какой-то, – промолвил я, но тут же и потерял к этому «охотнику» интерес.

Закончив на этом разговор, я снова побежал к дому.

Возле гаража сиротливо стоял заляпанный по самую крышу грязью «уазик». Я запрыгнул в него, обшарил карманы в поисках ключа. Потом заметил, что со вчера так и оставил его в замке зажигания.

Автомобиль с третьей попытки завёлся. Я вывернул на дорогу и надавил на педаль газа.

Вдоль заборов выстроились уже все огородники, продолжая наблюдать за разыгранным мной спектаклем.

Дорога до Перволучинска была гравийной и неплохо накатанной, так что «уазик» нёсся во всю прыть, на которую ещё был способен.

Я проехал уже километров восемь, когда осознал весь абсурд этой своей затеи. Ну хорошо, допустим, я сейчас догоню грузовик. Остановлю его. Залечу в салон. И что дальше? Силой стану выволакивать Лену из кабины? Надену на неё наручники и зачитаю права? Что бы я сейчас ей ни рассказал, она не захочет меня слушать. Такой у неё характер. И мне ли не знать об этом. Даже мой отъезд из города, имевший вполне вразумительные причины, вызвал у неё шквал негативных эмоций, а потом долгий, растянувшийся почти на год процесс примирения. А в глазах водителя я вообще

буду выглядеть полным идиотом – в помятой форме да ещё и смердящий за версту перегаром. Представляю, что он может обо всём этом подумать. Нет.

Я резко затормозил, разметав по сторонам гравий. Несколько раз ударил руками по рулю. Скинул с продолжавшей гудеть головы фуражку. Взгляд мой упал на индикатор топлива. Стрелка стремительно приближалась к нулю, а нарисованная под ней раздаточная колонка словно крутила поднятым шлангом у виска, обращаясь явно ко мне. А может, просто хотела застрелиться от стыда за своего нерадивого хозяина. Даже до города я при всём желании не успел бы добраться. Теперь лишь бы на обратный путь хватило бензина, а иначе пешком придётся топать до гаража, а потом назад с полной канистрой.

Я посмотрел на часы. Десять утра. Лучше позвоню Ленке по телефону из отделения, решил я. И как раньше мне эта элементарная мысль в голову не пришла? Хотя, конечно, не удивительно...

Я успокоился и постарался дышать ровно. Надел фуражку. Завёл мотор. Аккуратно развернулся и покатил обратно.

Слава богу, «уазик» дотянул до деревни. Однако, подъезжая к почте, я увидел толпу суетящихся возле неё людей. Казалось, что здесь собрались все Подковы. Люди что-то оживлённо обсуждали и размахивали руками. Я немного струхнул, подумав на секунду, что это сборище устроили по поводу моего странного поведения.

Я выпрыгнул из кабины и направился в самую гущу.

Толпа немного поутихла и расступилась, пропуская меня к почте.

На крыльце почтового отделения сидела Марина, уткнувшись лицом в ладони. Всё её тело сотрясалось от беззвучного плача. Чуть поодаль всхлипывала на плече у своей матери Даша Сазонова, заведующая почтой, женщина лет тридцати пяти. Из-за распахнутой настежь двери отделения сильно несло гарью.

– Что здесь происходит? – обратился я ко всем сразу.

– Маринка не пушает, – сказал пожилой мужчина, в котором я не сразу узнал дядю Гену, потому как на голове у него красовался какой-то нелепый колпак, сделанный из газеты. – Говорит, только для лейтенанта проход.

Услышав мой голос, Марина убрала ладони с заплаканного лица и посмотрела на меня так, словно я прибыл со спасительной миссией в самое пекло ада. Она вскочила и хотела было броситься ко мне с искренними объятиями, но я всем своим видом дал понять, что делать этого не стоит. Она осеклась, на секунду растерялась, но сумела быстро взять себя в руки.

– Лёша, – хлюпая носом, заговорила она, – тут такое... Тут такое... Пойдём, ты должен это увидеть.

В голове у меня наконец прояснилось. Весь вчерашний хмель выветрился, и извилины начали понемногу вставать на свои места.

Я проследовал за Мариной вглубь отделения. Следом за мной пошла и Вера, размазывая носовым платком по всему лицу тушь вперемешку с помадой.

Внутри запах гари усилился. Засвербило в носу. Я чихнул.

По всему полу стелился дымный след, беря начало где-то в коридорчике слева от общего зала.

Марина свернула именно туда. Пройдя метров пять по коридору, она остановилась и показала рукой на открытую дверь, за которой начинались ступеньки, круто уходящие вниз. Возле двери валялся большой красный огнетушитель.

– Только осторожней, – перейдя почти на шёпот, промолвила Марина. – За дымом не видно. Пол скользкий от пены. Там.

Сзади в меня уткнулась всем телом Вера и выглядывала из-за моего плеча, словно боясь, что снизу на нас может выскочить какое-нибудь чудовище.

Я стал спускаться вниз, то и дело чихая от нестерпимой вони. Женщины остались стоять на пороге, пригнув головы и внимательно за мной наблюдая.

Пол оказался действительно очень скользким. Стараясь ступать осторожней, я прошёл внутрь небольшого помещения, в дальнем углу которого, за столом, прикрученным к стене с небольшим окошком, лежал человек. В этом месте, как ни странно, дыма совсем не было. Я смог разглядеть этого человека чётко. Им оказался тот самый мужик, с которым мы столкнулись в дверях продуктового магазина. Его лысая

голова с аккуратным отверстием в виске под неестественно острым углом упиралась в стену, забрызганную с левой стороны кровью и ошмётками того, что когда-то было мозгами; в правой руке, откинутой во всю длину вбок, он держал пистолет – старый обшарпанный «ТТ». Рядом лежал прямоугольный железный ящик с откинутой крышкой. В его замке торчал ключ. Внутри ящика было пусто.

Понимая, что здесь произошло что-то невероятное и одновременно ужасное, я постарался ступать ещё более осторожно, чтобы ничего не нарушить. Когда придет следователь – а при таком раскладе иначе и быть не может, – все улики должны остаться на своём месте. Мысленно я оценил поведение Марины, которая никого не пустила на почту до моего появления. Да и улики девки сохранили в целости, вовремя потушив пожар. Молодцы. Надо будет им об этом сказать.

Однако, несмотря на всю свою аккуратность, я чуть было не наступил на какой-то предмет, лежавший метрах в двух от трупа и видом своим сразу внушивший неприятные чувства. Я нагнулся, присмотрелся получше. Боже! Да это же палец. Большой палец от человеческой руки, только словно выбеленный до состояния восковой поделки. Я осмотрел руки мужика – все его пальцы оказались на месте. Ситуация всё больше выходила за рамки какой бы то ни было логики. Незнакомый мужчина приезжает в захудалую деревеньку, покупает бутылку с бензином, идёт на почту, спускается

в какой-то непонятного назначения подвал, поджигает его и стреляет себе в висок. Сумасшедший? Наркоман? А палец тогда откуда? И что это за ящик? Такие ящики я видел только в кино. Обычно в них люди хранят в банковских ячейках какие-то ценные вещи. Но ведь это же не банк, а всего лишь заурядная почта, едва сводящая концы с концами и не способная даже выбить рабочих, чтобы те залатали худую крышу. Но вот и окошко над привинченным наглухо столом. Нда... Похоже, что эта почта не так проста, и какой-то депозитарий здесь всё же имелся. Но почему я не знал о его существовании раньше?

Вглядываясь в руки мужчины, я заметил на его левом запястье странного вида часы. Рукав был высоко задран – человек перед тем, как себя убить, явно этими часами интересовался. Зачем?

Я сел на корточки и присмотрелся. Странные какие-то часы. На циферблате, разделённом на красную и синюю половинки, имелась всего одна стрелка, застывшая на десяти часах. Это если бы были хоть какие-нибудь внятные обозначения, как на всех нормальных часах. На этом странном приборе на произвольном расстоянии друг от друга значились только квадратные иероглифы, похожие на японские. Их было пять: три на синей половинке, и два на красной.

Ничего непонятно.

Я выпрямился, сдвинул на затылок фуражку и тяжело вздохнул.

Потом осмотрел стол и окошко над ним. Справа от стола имелась кнопочная панель – девять цифр от нуля до девяти и буква «в». Под ним небольшое табло непонятного назначения.

Перчаток у меня не было, поэтому я старался ни до чего не дотрагиваться.

Очень много вопросов толкалось у меня в голове. И прежде всего надо выяснить, что это за помещение и что хотел от Веры или Марины этот мужик.

Марина с Верой встретили меня с такими же выражениями лиц, с какими и провожали в подвал.

– Ну что? – первой не удержалась Марина.

– Это я у вас хотел бы спросить что, – стараясь придать голосу уверенности, сказал я.

Женщины переглянулись.

– Ерунда какая-то, – начала Марина. – Я, как обычно, пришла с утра убираться. Да и с крыши ещё натекло со вчера, надо было подтереть остатки. Машу́, значит, я шваброй, и заходит этот, – Марина коротко махнула рукой в сторону подвала.

– Да-да, – закивала в подтверждение сказанному Вера.

– Порыскал вокруг глазами. Видит, что никого, кроме нас с Веркой, нету, и дверь давай закрывать. Я говорю, мужчина, дверь оставьте в покое, жара на улице, дышать нечем. А он как зыркнет. Прямо зверюга, а не человек. Я-то баба не робкого десятка, но и то струхнула.

– Да-да, – снова пролепетала Вера.

– Да что да-да? – нахмурилась Марина. – Ты и не видела, как он входил-то.

– Так, девушки, – перебил я. – Давайте, пожалуйста, ближе к сути. Это не литературный конкурс. Какая разница как он на кого зыркнул. Потом что было? Как в подвале-то он оказался? И что, вообще, это за помещение?

– Короче, – продолжила Марина, – посмотрел на меня и как крикнет: «Где тут у вас начальник? Жаловаться на вас буду!» Верка только тогда и выбежала в зал-то. А мужик этот пистолет достал и говорит: «В де... в дезо...» Блин. Вер! Чо он там говорил-то?

– В депозитарий хотел попасть, – пришла на выручку Вера.

– А что за депозитарий? Подробнее можно?

– Да я и сама-то первый раз эту дверь открывала. Знала, что в подвале этом был когда-то депозитарий. Это ещё для рабочих из карьера соорудили, чтобы они ценности и документы свои там хранили.

Сердце у меня заныло, когда прозвучали слова о карьере. Возможно, это могло быть тем самым недостающим звеном в деле, ради которого я и перевёлся из города в Подковы.

– Странная, конечно, затея для тех времён, – продолжила Вера. – В нашей деревне, на какой-то задрипозной почте – и вдруг депозитарий. Стены бетонные в полтора метра толщины и полная автоматика со своим собственным генера-

тором. Тогда и в столице-то таких чудес не имелось. Но это по слухам всё. Точно я не знаю, как работал этот депозитарий. А вот мужик хорошо знал. Орал: «Ключ от подвала тащи». Когда открыли, тычет пистолетом в бочину, дескать, спускайтесь. А там темнотища. Но он и выключатель быстро нашёл. Свет включил. Подошёл к столу. Там справа кнопка. Нажал. И за стеной что-то как загудит да заскрипит. У него ещё бутылка с бензином в другой руке была. Дальше не знаю что было. Испугалась я до усрачки и спряталась за Маринку. Даже глаза зажмурила и с жизнью стала прощаться.

Я ожидающе посмотрел на Марину.

– А дальше, – затараторила она, – из окошка выдвинулся железный ящик. Он ключом его открыл, крышку откинул и достал оттуда часы.

– Часы? Те, что у него на руке?

– Наверно. Странные такие. С разноцветным этим... Как его? Табло?

– Циферблатом, – подсказал я.

– Ага. На руку надел. Нажал на эту, которой заводят – и стекло на часах откинулось. Чик. Он вставил туда... – она на секунду замялась, – что-то вставил, я толком не рассмотрела. Снова нажал на заводилку и потом просто сел около стены на пол. Платок носовой достал из кармана, сунул в бутылку с бензином, подождал, пока ткань пропитается, и поджёг. Посмотрел на нас, но уже не по-зверски, а как-то даже с жалостью, будто мы убогие, а он господь бог. «А теперь, –

говорит, – валите отсюда». Мы и бегом наверх. Только через порог успели переступить, как там внизу полыхнуло. Потом раздался выстрел. Мы подождали ещё секунд тридцать. Потом я огнетушитель со стены схватила и побежала гасить огонь. Только когда потушила и увидела всю эту картину, ужас-то на меня и навалился. Заревела я. И Верка следом за мной. А дальше народ собираться начал, увидев, что из почты дым повалил. А дальше ты и сам видел. Вот.

– А разве ключи от ячеек, – обратился я к Вере, – не у вас хранятся?

– У меня в сейфе у кассы, – сказала она, – есть коробка под стеклом. Там сто тридцать пять ключей. Сама считала. Одного не хватало, потому что должно быть сто тридцать шесть. Но я никогда не знала, для чего они там хранятся и чего открывают. Когда пришла на почту, мне директор сказал, чтобы я их не трогала. Я и не трогала никогда. Теперь понятно, откуда эти ключи.

В принципе, из объяснений Марины и из дополнений, сделанных Верой, ситуация складывалась вполне ясная, хотя здравого смысла в ней не особо прибавилось. Старый, забытый всеми депозитарий, в котором хранились какие-то японские часы, понадобившиеся позарез незнакомому мужику. Ну хорошо. Нашёл он то, ради чего пришёл. Но пулю себе в висок зачем? И зачем поджигать подвал? Но, по крайней мере, было за что зацепиться. Труп на месте, улики нетронуты. Свидетель имеется. Нужно опечатывать почту и срочно

звонить в Перволучинск. Во всём этом должен разбираться не я, а следователь с криминалистом. Только почему Марина ничего не сказала про палец?

Я ещё раз посмотрел на неё. Заметив в моём взгляде лёгкое недоверие, она опустила глаза. Точно не договаривает мне что-то, решил я. Ну ладно. Поговорим позже. Сейчас главное – перекрыть все доступы к почте.

Глава четвёртая

С окончательно пришедшей в себя Верой я обошёл по периметру здание почты и проверил все возможные пути проникновения внутрь. Имелся один чёрный ход сзади, на двери которого висел старый, успевший заржаветь замок, и боковой спуск в подвал с коммуникациями, прилепленный в виде покато́й пристройки и запертый, судя по всему, изнутри, потому как снаружи я не нашёл никаких возможностей открыть обитую тонким железом дверь.

– А сюда как заходят? – спросил я.

– Есть служебный вход изнутри кассы. Это для слесарей. Оттуда и проход на крышу. Но сама я там не была.

– Нигде-то ты не была и никуда-то не заходила, – с досадой промолвил я. – Не любопытная ты, Вера.

– А по что я буду тут лазать? У меня работа на кассе. Письма, телеграммы, денежные переводы, междугородные переговоры. Не до любопытства. Иногда бывает затишье, вот как сегодня. А обычно народ всё идёт и идёт с утра и до вечера. Подумать можно, что у нас жителей не полтора человека.

– Хорошее сегодня затишье, – заметил я. – Не приведи господь такого ещё раз.

– Ну в этом смысле, конечно, да. Смотри, жара-то сегодня какая. Я вот думаю, а если этот двинутый разлагаться начнёт... А? Вони-то от него сколько. Я потом как работать-то

буду? Да и вообще... Уж лучше пусть народу побольше приходит. Одной-то жутко. Попрошу, чтобы разряд мне повысили, пригрожу, что уволюсь, если зарплату не захотят прибавить.

– Завтра, – сказал я, – надеюсь, увезут труп. Так что не дрейфь. Всё образуется. А прибавку проси – это мысль правильная.

– Да-да. Обязательно попрошу. Думаешь, послушают?

– Послушают. Ты у нас в деревне человек незаменимый.

– Это точно, – не без удовольствия согласилась Вера.

Для пущей надёжности и, главным образом, для информативности я наклеил жёлтую, в чёрных полосках ленту на центральном входе, и на этом мы с Верой попрощались, по крайней мере, до завтра, когда она потребуется для составления протокола.

Толпа возле почты понемногу рассосалась. Однако это не означало, что интерес к случившемуся угас. Событие похожего масштаба случалось в Подковах только однажды и связано было с трагедией, разыгравшейся на песчаном карьере. Но было это двенадцать лет назад. А все эти годы, что пронесли с той поры, подковцы скучали, занимаясь вопросами исключительно бытовыми и мало по-настоящему интересными. Кому-нибудь вполне могла придти в голову идея проникнуть ночью на почту и своими глазами увидеть то, о чём я запретил рассказывать кому бы то ни было и Марине, и Вере. Мне показалось, что будет не лишним держать по-

дробности происшествия в секрете до тех пор, пока не пришлют официально уполномоченных для этого дела лиц.

Пока я возвращался в отделение, ко мне по дороге успел прицепиться с вопросами дядя Гена, и я смог убедиться в силе эффекта сломанного телефона, в который мы любили играть в детстве. Многие, наверное, помнят эту игру: водящий произносит скороговоркой какое-нибудь слово, а другие участники передают услышанное и понятое по-своему по цепочке крайнему из играющих. Конечный результат неизменно всех веселил.

– Лёш, – сказал дядя Гена, семена за мною вдоль переулка. – Правду говорят, что на почту забежал какой-то мутант и покусал Верку?

– Какой мутант, дядя Ген? Вы о чём?

– Да знаем мы, – хитро сощурился он. – Рыбаки, что в ночную уезжают на озеро в Глыбах, рассказывают.

– Что рассказывают?

– Видели они там этих мутантов. Есть псы светящиеся, а есть с виду похожие на людей. Даже одёжка кой-какая имеется. Предпочитают всё камуфляжное, чтоб шибко не выделяться в лесу летом. А глаза светятся в темноте, и вместо пальцев стальные крючья. Фёдора позапрошлый год утащили. Нашли его через три дня в болотах, места живого на нём не было. Только мычал как корова, всё «му» да «му». Недолго промучился, на следующее утро в больничке областной и скончался. Сам знаешь. На счёт людей утверждать не бу-

ду, сам не видел. Но с собаками этими встретиться один раз пришлось.

– Позапрошлый год, говорите? Так я ж тут всего год у вас участковый. И ни про какого Фёдора я не слышал.

– Да? – удивился мужчина. – Надо же. А мне казалось, что ты тут лет пять как. Значит, про Фёдора не слыхал?

– Дядя Ген, – нетерпеливо промолвил я, – ну какие мутанты? Какие крючья? Это в американских фильмах Фреди Крюгеры да мутанты. Ну что вы, ей богу. Двадцатый век на дворе. Если бы в нашей округе водились монстры, я узнал бы о них первый. А поскольку о таком мне никто не докладывал, то, стало быть, и нет ничего такого.

– А утром ты от кого тикал? – дядя Гена посмотрел на меня так, словно поймал с поличным.

Мне и в самом деле сделалось неудобно. Не хотелось вдаваться в подробности своих походов, но и промолчав, я бы только укрепил сомнения этого человека.

– Не тикал я ни от кого, а спешил к магазину, чтобы застать продуктовую машину. По делу.

– Ну-ну – не унимался дядя Гена. – Дело твоё. Как же... А ежели не мутант там на почте, то кого вы в подвале заперли? Люди, Лёша, напуганы. Этой ночью спать не лягут, точно тебе говорю. Может, помощь нужна? Ну, это... Типа покараулить. Мужики всегда готовы. Одному-то ссыкотно будет.

– Не надо, дядя Ген. Я справлюсь. И нет там никакого мутанта. Передай, что сегодня все могут спать спокойно. А зав-

тра начальство приедет и расскажет всё, что сочтёт необходимым.

– Ну, это само собой, – кивнул дядя Гена. И я понял, что всю ночь мне всё же придётся нарезать круги в окрестностях почты, чтобы не вздумалось кому явиться в подвал со святой водой или серебряной пулей.

Я был уверен, что сам дядя Гена раздувать мятеж из своих подозрений не станет. Он был человеком себе на уме. Чрезмерно любопытным, но не до такой степени, чтобы удовлетворить своё любопытство любой ценой. Его интересы сводились к двум вещам – ко всему необыкновенному и к тому, чтобы что-нибудь мастерить у себя в подвале. У него имелся и токарный станок, и маленькая печь для литья, и даже механизм для изготовления ключей. За дубликатами к нему шли со всех окрестных деревень, особенно когда народ ещё в этих местах водился. Поэтому дядя Гена всегда был в курсе того, что происходило в округе.

Время в этот день летело на удивление быстро.

Я только успел кое-как перекусить бутербродом и позвонить в город начальству, когда понял, что за окном уже вечерет.

В Перволучинске мой доклад о застрелившемся мужике восприняли как анекдот. Видимо, у них там в городе инциденты происходили куда серьёзней. Конец июля, половина районного отделения гуляла в отпусках, послать в Подковы было некого. Конечно, если бы произошло какое-нибудь

убийство или и в самом деле покусал Верку мутант, сбежавший из секретной лаборатории, то человек бы нашёлся. Но самоубийство, да ещё, исходя из моего описания, какого-то сумасшедшего – на это посмотрели, как на ничего не значащий случай и обещали прислать Борисыча... Если тот очуется завтра после своего очередного загула.

Анатолия Борисовича Миронова я хорошо знал. Именно его помощником я успел поработать в городском отделении в течение полугода. Он был запойным сорокатрёхлетним мужчиной, успевшим дослужиться до капитана и давно мечтавшим уйти на заслуженную пенсию, до которой оставалось два года. С одной стороны, начальство уже лет пять как грозило с позором уволить его из органов и лишит звание, а с другой, если вдруг требовалось заткнуть какую-нибудь дыру, в которую никто из молодых следователей не рвался, то Борисыч становился весьма выгоден. И его запои терпели, тем более что они не сильно мешали хорошо справляться с поставленной перед ним задачей. Он был умным мужиком, профессионалом. Я у него многому успел научиться, хотя, конечно, и меня его запои бесили. Помимо своих врождённых способностей к распутыванию сложных дел и к поиску труднодоступной информации, он был человеком добрым. Никогда не повышал голос, не спорил, не пытался доказать своё видение того или иного вопроса. Рано или поздно всё получалось так, как он утверждал с самого начала – и этого аргумента вполне хватало тем, кто любил принизить

его таланты. Мои с ним отношения были почти дружескими. Он никогда не злоупотреблял своим положением наставника, как делали это другие, используя своих подопечных для самой грязной следовательской работы. В азы профессии он вводил меня последовательно и аккуратно, всё самое муторное беря на себя и показывая, как из простых, банальных вещей, как, например, сбор ничего на первый взгляд не значащих деталей и поиск второстепенных свидетелей, можно сделать значительный рывок в расследовании самого запутанного из дел. Он искренне сожалел и недоумевал, когда я добровольно вызвался на ссылку в Подковы да ещё и в качестве самого обыкновенного участкового. Впрочем, за день до моего отъезда, кажется, догадался об истинных причинах моего решения и пожелал мне успеха в нелёгком деле, которое я задумал. Так и сказал – «в деле, которое ты задумал». Я не знал, каковы возможности как следователя у Миронова теперь, ведь я не видел его больше года. Алкоголизм – дело такое, мозги съедает хоть и по круплицам, но верно. И всё же я надеялся, что Анатолий Борисович окажется здесь полезен. Я его ждал с надеждой и затаённой радостью.

Чтобы обозначить перед городскими свою серьёзность, я, помимо извещения о случившемся, спросил о делах чёрных копателей, которые, я это знал, в отделении значились в разработках. Как ни странно, но их деятельность в деревне заинтересовала городское начальство больше, чем самоубившийся и пытавшийся самосжечься мужик. Мне пообещали,

что передадут с Мироновым всю имеющуюся информацию. Даже поблагодарили за своевременное реагирование.

Я порывался сделать звонок Ленке. Но передумал, поскольку голова теперь была занята совершенно другим. Оправдываться мне сейчас не хотелось, хотя вины своей я, разумеется, несколько не отрицал. Завтра и позвоню, решил я, когда хотя бы отчасти разрулится проблема, лежавшая сейчас с прострелянной головой в секретном депозитарии.

Около девяти часов вечера я собрал в контейнер оставшуюся со вчера картошку с двумя котлетами и отправился дежурить на почту.

Погода стояла хорошая. Вчерашний ливень, с которого начались все мои злоключения, казался теперь чем-то сверхъестественным, насланным тёмными силами исключительно на мою голову. Бледно-голубое небо рассекали суевливые ласточки, опускаясь низко, иногда почти касаясь земли. И странным показалось то, что по пути на почту я не встретил ни единой живой души. Все местные будто бы затаились в своих домах, опасаясь нашествия на деревню крючкоруких мутантов. Не к добру казалось такое затишье. Впрочем, хоть по телу и разлилась сладкая судорога непонятных предчувствий, я был рад, что ни с кем не приходится вступать в нелепые разговоры.

У крыльца почты меня встретил, виляя хвостом, местный пёс по кличке Пират. Он считался бездомным, но люди старались его подкармливать, кто чем мог – какой-ника-

кой, а всё-таки сторож. Характером он обладал довольно суровым и отпугивал чужаков своим воинственным поведением и свирепым оскалом. По ночам любители поживиться в чужих огородах заглядывать на нашу улицу не решались.

Я уселся на ступеньки, снял фуражку и расстегнул китель.

Пират, почуяв запах котлет, завертелся вокруг меня, давая понять, что в одиночестве поужинать мне не удастся.

Так оно и получилось. Когда стало темнеть и возле почты зажёгся единственный на всю деревню фонарь, я открыл контейнер и достал из внутреннего кармана вилку. Пират уселся рядом, облизнул длинным языком морду и укоризненно на меня посмотрел. Пришлось отдать ему одну котлету. Пёс проглотил её, почти не разжёвывая. Я успел поддеть на вилку только две подгорелые картошины, когда снова подвергся его осуждающему взгляду.

– Да ладно, – вслух произнёс я. – Кушай, приятель. Я ведь, если подумать, сыт, – и положил перед Пиратом весь контейнер, который он тут же и опустошил, начисто вылизав пластмассовую коробку.

Когда наша трапеза была окончена, я услышал лёгкие шаги, приближавшиеся из глубины тёмной улицы. Пират напрягся, глухо зарычал, хотел было тявкнуть, но передумал и вместо этого завилял хвостом. На освещённом участке показалась фигура человека, которого трудно было с кем-либо перепутать. К нам навстречу вышагивала, улыбаясь и держа в руках небольшую корзину, Марина.

Глава пятая

Чувства мои смешались. Сколь бы ни был я благодарен Марине за её сегодняшнее героическое поведение, однако завышенные её ожидания по поводу моей скромной персоны начинали чуточку доставать. Тем более что она приняла самое непосредственное участие в моей несостоявшейся встрече с Леной и в снова наметившемся разрыве. Но я, к счастью, в целях её визита слегка ошибся.

– Привет честной компании, – сказала она и погладила подбежавшего к ней Пирата. – Примете к себе?

– Чего не спится?

– Да я тут это... В общем, Лёш, ты извини меня за вчерашний визит.

Такого я от Марины не ожидал.

Она поднялась на крыльцо, уселась на ступеньки рядом со мной, позволив Пирату примоститься аккурат между нами.

– Я ведь не знала, что у тебя баба в городе имеется. Нехорошо получилось. Ты догнал её? Успел чего объяснить-то?

– А чего я ей объясню? – с досадой в голосе промолвил я. – Она у меня с характером. Да и не успел я. А потом это...

– Ну да-да. Взбаламутились все Подковы. Но вроде как подуспокоились к ночи. Всё пытали нас с Веркой – что там да как. Но мы это... Молчок. Как партизаны.

– Ну и правильно. Меньше знают – крепче спать будут.

– Да не скажи, – замотала головой Марина. – Когда не ведаешь, кто затаился в тени – оно ведь ещё страшнее. Представляешь, чего выдумали...

– Да знаю, – махнул я рукой. – Дядя Гена уже изложил кратко. Будто Веру укусил какой-то мутант.

Марина негромко усмехнулась. Потом перекрестилась и сказала:

– Смех-то смехом, а, как ни крути, всё-таки чертовщина это какая-то. Там, в подвале...

– Завтра следователь из Перволучинска прибудет. И всё утрясётся.

– Ой ли? – засомневалась Марина. – Я вот думаю, что местным было бы лучше, если бы в подвале и правда заперли монстра. Скукотища же, Лёша. Огород да банька под самогон – вот и все развлечения. А то в телевизор уткнутся – и «Санта-Барбару» с утра до вечера крутят. А тут видишь, мы как бы особенные получаемся, избранные. Не в каждую деревню наведываются мутанты. А молодым каково... Вот Верку возьми или меня. Она хоть и постарше, но всё равно. Знаешь, каково нам тут? Иной раз вспомнишь сколько тебе лет – и помереть хочется. Никаких перспектив. Все путные мужики из округи давно по городам разбежались. Замуж-то выйти – и то голову наломаешь. Скорее человека снежного в лесу встретишь, нежели мужика холостого или в меру пьющего. Да и детям-то какое будущее в нашей деревне? Единственная школа была в Новой – и ту закрыли. А до Перво-

лучинска своим ходом не у всех возможность имеется.

– Это, Марин, – возразил я, – вопрос, как мне кажется, решаемый. Если задаться всерьёз целью, можно и вырваться.

– Ага. Года два назад задалась. Участковый, что до тебя был, божился, что в город меня с собой возьмёт. Я уж дом было намерилась продавать. Мама как раз, упокой господь её душу, отстрадала своё. А он, сука, и слился. Даже не попрощался. Девкой ещё могла бы свалить, кабы не мать. Я ведь, Лёш, с головой-то дружу. Не думай, что я дура неотёсанная. Школу с тремя четвёрками закончила, а то всё одни пятёрки. Не веришь?

– Да отчего не верить? Разве я сказал, что ты дура?

– Мама не вовремя заболела, – вздохнула Марина. – Пришлось ухаживать. На кого я её оставлю? Подковы в заложницы меня взяли. А у меня потом что-то вроде стокгольмского синдрома.

Я повнимательнее взгляделся в Марину. Да, лицо-то у неё вполне себе даже интеллигентное. Просто лишний вес делал его простоватым – отсюда и неверное впечатление у тех, кто видел её впервые.

– А из родственников никого больше? – спросил я.

– Брат двоюродный в Питере. Но мы с ним и не общались никогда толком. Один раз за всю жизнь приезжал в деревню, забор поправить помог – и больше не объявлялся. Вот тебе, Лёша, и все цели.

К стыду своему, я никогда не интересовался настоящим

прошлым Марины. Удовлетворялся сплетнями, витавшими вокруг её амурных походов.

– Вот не понимаю я, – снова заговорила она, – ты-то по кой чёрт сунулся в эту дыру? Или у вас там в органах не спрашивают согласия?

– Отчего же. Спрашивают. Сам вызвался.

– Ума-то нет. Я бы на месте бабы твоей и разговаривать с тобой не стала, не то чтобы приезжать в гости. Что это за любовь-то такая – ты здесь, а она там. Каждый-то день не наездишься. А жить здесь... Парикмахерской – и той нету. А она у тебя ладненькая, следит за собой. Чистенькая вся такая, точно с детского утренника – и ноготки, и причёска, и платице... Да и фигурка. Всё при ней. За такую держаться надо. Отпустишь – и улетит, моргнуть не успеешь.

– Я ведь не из блажи сюда подался, – сказал я. – Дело у меня в Подковах. Важное.

– Важнее бабы твоей?

– Это другое. Не сравнивай. И она прекрасно знает об этом. Только принять не может.

– И что за дело такое? Или сильно личное?

– Сильно.

Я задумался, за секунду снова погрузившись в своё прошлое, толкнувшее меня на этот поступок.

Темнота вокруг нас совершенно сгустилась. Лишь безлунное небо пестрило бледно-голубыми точками, а далеко на западе едва угадывалось наличие подсвеченного тысячами фо-

нарей Перволучинска. В парном, неподвижном воздухе разносились серенады кузнечиков, щекоча душу. Единственный фонарь через дорогу от почты уныло очерчивал под собой жёлтый круг света.

Пират, положив голову на колени Марины, уснул, успокоенный теплом наших тел.

И мне вдруг нестерпимо захотелось высказаться. Не знаю, что на меня нашло. Может быть, слишком долго я держал это в себе.

– У меня здесь отец когда-то работал, – сказал я. – На карьере. В той смене, которая как раз оказалась под оползнем двенадцать лет назад.

– Ох! – выдохнула Марина. – Мне жаль. Я не знала. Но эту историю хорошо помню. Вот, значит, оно как. А это дело тогда очень быстро замяли. Даже в местной газете не было ни одной заметки.

– Именно. Замяли. Восемь человек погибло. Хоронили в закрытых гробах на местном погосте. Никому не разрешили перевозить тела в город. Никто из родных толком даже не знал, кто именно из рабочих в каком гробу. Приехал экскаватор, выкопал траншею – там их в рядок и захоронили. И плиту общую установили с именами погибших. Лазов Константин Андреевич – это отец мой. Когда Союз развалился, можно было бы добиться перезахоронения, но кто же разберёт кто есть кто в этой траншее. Родственники посоветовались и решили не тревожить прах. Да и привыкли уже в Подко-

вы приезжать, чтобы своих помянуть. Оставили всё как есть. Я подросток. Поступил на юридический. И чем больше думал об этом оползне, тем больше сомневался в его существовании. Сколько раз бродил по заброшенному карьеру. Осматривал местность. У знающих людей расспрашивал, что да как устроено в подобных работах. И понимал, что в этом деле ничего не состыкуется. Непосредственных свидетелей тех событий нигде не сыскалось. А косвенные... Сама знаешь – чего только не напридумывают. Мама у меня после гибели отца слегла с раком. Растаяла как снежинка. Похоронил её. Доучился. И следователем в городской отдел пошёл. А потом подвернулась возможность приехать непосредственно сюда и на месте заняться поисками недостающих фактов.

– Понятно, – сказала Марина. – Тогда всё это объяснимо. Прости, что раскритиковала тебя, не узнав прежде твоих мотивов.

– Да ничего. Я к критике человек привычный.

– И как? Нашёл новые факты?

– До сегодняшнего дня не было никаких особых зацепок.

Но этот депозитарий... Думаю, это потерянное звено в деле о событиях на карьере. Когда установим, что это за человек в подвале и что означает его внезапный визит на почту... В общем, не зря я здесь оказался. Дождался своего часа. Только вот ещё о чём я хочу у тебя спросить...

– О чём?

– Утром ты ничего мне не сказала о пальце. А не заметить

ты его никак не могла. Штука, согласишься, не из обиденных.

Марина чуть заметно вздрогнула и опустила глаза.

– Не молчи. Я знаю, ты что-то недоговариваешь.

– Я, Лёш, за тем, в общем-то, и пришла.

– Рассказать о пальце?

– Места себе не нахожу. Прямо с самого сегодняшнего утра. Испугалась я. Не знала, что делать.

– Да говори уже.

Марина тяжело вздохнула.

– Ладно. Но только тебе. Если следователь из города допрашивать станет, я ничего ему о пальце не расскажу. Как хочешь. Хоть убей. Скажу только, что видела, как этот мужик прикладывал этот палец к панели возле окошка. Видимо, система такая хитрая, ячейку нужную доставляет только по отпечатку. Это я понимаю. Вот и скажу, что видела. А другую часть истории опущу. Она данного случая не касается.

– Какую историю?

– Долгую историю. Она с мамой моей связана. И с моей юностью.

– Ты уж на счёт следователя как хочешь, а я должен знать. Я думаю, что этот случай вообще спустят на тормозах. Всерьёз его в городе никто не воспринял.

– В общем, когда стряслась вся эта история на карьере, мама моя, Ксения, тоже убиралась на почте. У нас это, выходит, семейное. Тогда там в отделении что-то произошло,

инцидент какой-то. То ли грабануть хотели, то ли сумасшедший какой-то требовал в Америку позвонить. Понаехало из города начальство милицейское. Больше-то, я полагаю, из-за карьера, но так уж совпало. Даже военные с автоматами были. Дня два шастали по деревне, будто чего вынюхивали. Но исчезли потом так же внезапно, как и появились. Слухи ходили разные, верить им, сам понимаешь, никак нельзя. Мама непосредственным свидетелем оказалась. Мне ничего, разумеется, не рассказывала. Но сильно после этого случая изменилась. Сама не своя стала. Пугливая. Меня в школу в Новое каждый день провожала до самого класса, а потом встречать приходила. Гулять по вечерам запретила. А мы с друзьями до поздна любили засиживаться в бытовке, которая осталась после рабочих в карьере. Ни на какие истерики мои внимания не обращала. Кремень. Тогда-то я с горя на еду налегать и стала. Я ведь толстой-то в юности не была. Жалко, фотографий никаких не осталось. Стройняшка я была, все пацаны в классе влюблены были. Особенно Олег. Настырный такой. Неприятный тип. Так-то. А потом... Как-то, рыская в морозилке что бы такого умять, наткнулась я на предмет, завёрнутый в три пакета. Развернула – и чуть в обморок не упала. Вот тот самый палец и был в пакетах. Я-то сразу его сегодня узнала. Коленки-то у меня и подкосились, еле в руки себя взяла. Короче, я маме ничего тогда не сказала. А потом палец из морозилки пропал. Как раз после того, как мама съездила в областной центр по какому-то очень

важному делу. Так она мне сказала. Да какое у неё там важное дело могло быть? Никакого. Темнила она что-то. Но, по крайней мере, поспокойнее сделалась. Ходила по дому и сама про себя улыбалась, как ненормальная. А то, бывало, копошится на огороде – да как что-нибудь запоёт. Предвкушала чего-то. В общем, не суть. Палец-то этот я позже в погребеке снова нашла. Только он уже в банке двухлитровой плавал. Заспиртованный. Вот так. Мамка два раза в год уезжала всё по тем же делам в область. Ни словом так и не обмолвилась о причинах. Лет семь ездила. Пока не заболела и не померла. А сегодня утром, как от тебя-то пришла, чтобы переодеться и на работу пойти, я в погреб спустилась. Достать оттуда что-то хотела. Я про палец-то к этому времени уж и думать забыла. Других проблем выше крыши. Залезаю и чувствую – спиртом воняет. Включила свет – а по всему полу осколки. Банка каким-то образом разбилась. А пальца нигде нет. Подумала, может, крысы банку уронили, а палец утащили. Вечером, думаю, ещё поищу. А не найду, так оно и к лучшему. А оно вон как получилось в итоге. Знать, мужик этот в доме у меня успел с утра побывать. Иначе откуда у него палец? А это тот самый, даже не сомневайся. Он точно знал, где искать. Думаю, к нему мамка моя и ездила столько времени. А по-другому как объяснить? Замышляли они что-то. Но маме не судьба вышла. Да и упаси господи, если бы она этого сумасшедшего дождалась. И хорошо, что я у тебя задержалась, а иначе, если бы он меня в доме застал, не знаю, что бы со

мною тогда было.

Марина снова перекрестилась и поцеловала серебряный крестик, висевший у неё на шее.

История хоть и была рассказана довольно сумбурно, но всё же многое проясняла. Во-первых, сегодняшний инцидент оказался напрямую связан со случаем, произошедшим на почте в прошлом. А тот случай, в свою очередь, имел непосредственное отношение к событиям на карьере. Это очевидно. Следовало искать человека, которому принадлежал палец, и в первую очередь нужно установить личность самоубийцы. И эти японские часы... Всё дело ведь в них. Кому они принадлежали? Что они значили? Почему их кто-то хранил в депозитарии, а не в другом месте? И почему за ними пришли только спустя целых двенадцать лет? Ели мне удастся ответить на все эти вопросы, то я точно смогу узнать, что на самом деле случилось в карьере. Может, оно даже и хорошо, что Марина рассказала эту историю мне, а не следователю. Если события далёких лет до сих пор держались в секрете, значит, по-прежнему кому-то важно, чтобы так оно всё и оставалось. И потому чем меньше людей знают об этом, тем легче мне будет докопаться в конце концов до истины. Возможно, я и преувеличивал значение всех этих событий, и не существовало за ними никакой тайны. Может быть, парочка сумасшедших не поделили между собой обыкновенную безделушку, а по времени это совпало с оползнем на карьере. А то, что военные и суета... Так это понятно. В те

времена страна начинала трещать по швам, все силовые ведомства работали на пределе, и во всём им мерещились предательство, диверсии и шпионы.

– Я смотрю, – прервала затянувшуюся паузу Марина, – вы уже котлеты мои с Пиратом умяли. А я тут кой-чего пожрать ещё принесла.

Она откинула тряпку с корзины и достала оттуда термос и два здоровенных пирога.

– Проголодался? – Марина протянула мне пирог.

– Пожалуй, – сказал я и перехватил из её рук тёплое ещё угощение. – Спасибо.

Проснулся Пират, посмотрел одним глазом на наметившееся мероприятие, вильнул пару раз хвостом и снова продолжил спать.

И я, и Марина – оба мы понимали, что между нами состоялся сейчас очень доверительный разговор, на который мы не пошли бы ни при каких иных обстоятельствах. Марина была напугана историей с пальцем, но понимала, что умалчивать столь значимый факт было бы тоже неправильно с её стороны. Только на меня она могла переложить ответственность, свалившуюся на её плечи. Потому что верила, что я её не подставлю. И мне, в свою очередь, тоже хотелось поговорить с понимающим мою проблему человеком, потому как даже Лена этой моей упёртости, как она выражалась, не понимала. А Марина, казалось мне, поняла.

Но эта взаимная откровенность грозила выйти за рамки,

потому Марина при первой же возможности и перевела разговор на нейтральную тему. Будучи женщиной, она соображала в такие моменты куда быстрее.

В термосе оказался горячий чай. Мы молча поели, каждый думая о чём-то своём. Моему подсевшему за два последних дня организму пирог пришёлся весьма кстати. Я снова ожил, кровь забурилась, мысли стали складываться в правильные логические цепочки, и вообще я воодушевился и даже хотел было поцеловать Марину в знак своей благодарности. По-дружески, разумеется. Но тут же осёкся, посчитав, что это будет излишним.

– А что там за история с Фёдором на озере в Глыбах? – спросил я.

– С Фёдором? А. Это которого на болоте нашли?

– Да. Дядя Гена утверждает, что его мутанты возле озера утащили и учинили над ним страшное зверство.

Марина засмеялась и от этого поперхнулась только что сделанным глотком чая.

– Да какие мутанты. Ну ты чо? Ну и дядя Гена. Сочиняет на ходу, лишь бы побольше выведать у человека.

– Так что? Не было никакого Фёдора?

– Да Фёдор-то был. Сварщиком при гараже числился. Кабан его на озере поранил. Артерию на ноге задел. Рыбачил он там один. А пьяный был. Видимо, заплутал, ничего-то не соображая. Забрёл в болота. Ну и, само собой, кровью истёк прежде, чем его отыскали.

– Вот примерно так и подумал, – сказал я. – За двенадцать лет история со взрывом успела обрасти такими сказками, что правды уже не отыщешь.

– Жалко, что ничем не могу тебе помочь, – промолвила Марина. – Мне ведь в ту пору только четырнадцать было. Мало что вообще помню. Но вот есть один удивительный факт.

– Какой? – с интересом спросил я.

– Помню один свой сон, который мне приснился вскоре после тех событий. Представляешь? То, что на самом деле происходило, не помню, а сон до сих пор во всех подробностях – стоит только глаза закрыть.

– И что за сон?

Марина задумалась ненадолго, прежде чем ответить.

– В общем, – решила наконец она. – Снилось мне, будто сидим мы в карьере в вагончике с незнакомым мне мальчиком. Он года на два, может, меня старше. Не суть. Разговариваем о всяком. А он мне, знаешь, всё о будущем рассказывает, пророчит, что случится вскоре с деревней, со мной, вообще со страной нашей. И мне так хорошо с ним рядом, что домой не хочется возвращаться. Но уже смеркается, и мы собираемся уходить. И тогда появляются какие-то чудовища и не дают нам прохода.

– Чудовища?

– Ну да. Это я историй от дяди Гены тогда наслушалась, вот и привиделись мутанты.

– И чем сон закончился?

– Этот мальчик сказал, чтобы я не боялась, прижал меня к себе и провёл к выходу из карьера. Чудовища не тронули нас. Вот и фонарь тогда почти точно так же горел. Он до самого дома меня проводил, – Марина печально вздохнула.

С минуту мы помолчали, а потом она добавила то, ради чего, собственно, и завела разговор об этом сне.

– Я так и не узнала, что это был за мальчик, – промолвила Марина. – Но он очень похож на тебя, – она посмотрела на меня, будто ещё раз пыталась сопоставить мои черты с чертами приснившегося юноши.

Я даже не знал, что ответить на это. На всякий случай, чтобы ничем не обидеть, я решил услышанное не комментировать.

В этот момент на дороге, ведущей из города, запрыгали вдалеке огни. Это был свет от автомобильных фар.

– А это ещё кто? – насторожилась Марина. – Пистолет-то у тебя имеется?

– Зачем пистолет?

– Ну как зачем? Может, это друзья за корешем пропавшим решили наведаться.

– Нет пистолета.

– Да как так?

– Я же участковый, а не опер в засаде. Моё оружие – ручка шариковая.

– Вот те на. Ты, оказывается, и мент-то ненастоящий.

– Но-но, – возразил я. – Попрошу вас, сударыня. Пистолет есть, но в положенном ему месте. Это на крайний случай.

– Да куда уж крайнее-то? Самое то и есть.

Пират уже изготовился встретить непрошенных гостей. Его оружие всегда было при нём.

Автомобиль успел показаться из-за поворота и направился напрямик к почте. Когда он выехал на освещённый фонарём участок, у меня отлегло от сердца. Я узнал старенькую жёлтую шестёрку Борисыча.

– Тихо, Пират, свои, – держа пса за грудь, громко сказал я.

– Свои? – удивилась Марина.

– Следак из Перволучинска, Анатолий Борисович. Не ждал я его так рано. – Я

посмотрел на часы: – Половина второго.

Автомобиль остановился возле крыльца. Борисыч открыл окошко кабины, высунул улыбающуюся физиономию и воскликнул:

– Ехал мимо. Дай, думаю, загляну. Приветствую, Алексей! Можно выйти-то? Не сожрёт?

– Я вас проведу, Анатолий Борисович. Рад встрече. Не надеялся увидеть раньше полудня.

Глава шестая

Осмотром места происшествия мы с Мироновым занялись сразу же, как только он появился на своей жёлтой «шестёрке» у почты. Ни на что другое он не захотел отвлекаться. Марину вместе с Пиратом мы отправили домой, наказав только, чтобы она передала Вере явиться на почту к шести утра. Потом надо было ещё взять у них обоих показания под протокол. Но это уже ближе к обеду. Пока не слышал Борисыч, я предупредил Марину, чтобы она ничего не говорила Миронову о пальце. Вера сцену с его использованием не видела, так что знали теперь о существовании этой улики только мы двое.

Криминалиста для этого случая тоже, видимо, не нашлось. Миронова вооружили фотоаппаратом, дактилоскопическим набором, пожелали успеха – да на том и занялись более важными, как они посчитали, делами.

Для Анатолия Борисовича такая командировка, в которой он совмещал функции следователя и криминалиста, не была первой. Он вполне сносно умел обращаться с гелями, кисточками и дактилоскопическим скотчем, расставлял номера перед каждой уликой, прежде чем сделать снимок, и надиктовывал на рекордер всё, что казалось ему на месте преступления важным. Местом преступления почтовый подвал можно было назвать с натяжкой: незнакомец ничего не взя-

мывал, никого, кроме себя, не убивал, только разве попытался устроить поджог и немного попугал женщин. Максимум на что тянула бы его выходка, останься он жив, это хулиганство, то бишь грубое нарушение общественного порядка, совершённое с угрозой применения насилия. Ну, если не считать наличие пистолета, на который у него, возможно, не нашлось бы никаких документов. Впрочем, я полагаю, его и судить бы не стали, а сразу после психиатрического освидетельствования отправили бы в соответствующее заведение.

Что касается отрезанного пальца, то его я, на собственный страх и риск, изъясил из подвала прежде, чем мы спустились туда с Борисычем. Если в городе так легкомысленно отнеслись к нашему инциденту, то и не стоило отвлекать тамошних рыцарей от борьбы с настоящим злом. Теперь это было моим личным делом, а хозяина пальца я надеялся отыскать в документах, касающихся владельцев ячеек. Где-нибудь в архивах они должны были сохраниться на почте.

Первым, что бросилось нам в глаза, когда мы с Анатолием Борисовичем спустились в подвал, было то, что труп, пролежавший в духоте почти сутки, не подавал никаких признаков разложения: кроме гари, не было других запахов, кожа на лице и на руках покойника казалась такой же, какой была и при жизни; кроме того, не наблюдалось даже окоченения. Борисыч с минуту провозился возле мужчины, пытаюсь отыскать его пульс и уловить хотя бы малейшее дыхание. Дыра в голове никак не сочеталась с состоянием остальных

частей тела. Да и сама она, как мне показалось, выглядела теперь чуть меньше. Возможно, подумал я, это со страху я вчера преувеличил её масштабы.

– Ты когда-нибудь видел такое? – посмотрел на меня снизу вверх Борисыч.

Его круглое лицо в круглых очках налилось краской и, казалось, вот-вот лопнет от напряжения. Он громко и тяжело дышал, словно перед этим пробежал стометровку. В городе это его природное свойство всех раздражало. Борисычу даже выделили отдельный кабинет, чтобы не слышать его непрерывного сопения и не бояться, глядя на него, что он того и гляди упадёт в обморок.

Я поёжился, стараясь отцепить прилипшую к вспотевшей спине рубашку.

– Да я не так много вообще покойников видел, – признался я.

– А это, Алексей, очень необычно, – Борисыч отчего-то усмехнулся и добавил: – Он как-то необычно лежал? Да, как будто его застрелили.

– Что?

– Касл, – пояснил он. – Фраза из фильма.

Я и забыл об этой его фишке. Миронов при каждой возможности начинал цитировать какие-нибудь книги, фильмы или высказывания великих людей. Большинство из источников, кроме Конфуция или Ошо, были мне неизвестны. Иногда я начинал сомневаться, что такие люди или фильмы во-

обще существуют, а не являются плодом мироновской фантазии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.